

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
От автора	17
Введение	19
Часть 1. Земля: триумф огородничества	41
Часть 2. Обрабатывающая промышленность: победа историков	135
Часть 3. Финансы: достоинства короткого поводка	271
Часть 4. Куда идет Китай.	345
Эпилог. Обучение лжи	407
Примечания	415
Благодарности	520
Библиография	522

Предисловие к русскому изданию

15 февраля 1942 г. День, который Уинстон Черчилль назвал «наихудшей катастрофой и крупнейшим поражением во всей истории Британии». В этот день 60-тысячная японская армия принудила к капитуляции в Сингапуре 130-тысячный контингент войск Британской империи, включавший в себя отборные части британских, индийских и австралийских войск. Чтобы оценить масштаб катастрофы, важно проиллюстрировать, что до того момента примерно семимиллионное население вокруг Малаккского пролива контролировалось не более чем двухтысячным контингентом имперских войск.

С 1819 г., когда сэр Раффлз превратил Сингапур в торговый пост Ост-Индской компании, британцы создали — и тщательно культивировали — миф о собственной непобедимости столь успешно, что «азиатам», как тогда называли общим термином всех местных жителей, и в голову не приходила мысль об открытом вызове всей мощи Британской империи. До тех пор, пока одна нация не решилась на открытый вызов. Япония.

Примерно в те же дни молодой сингапурец по имени Гарри, шокированный происходящим, пытался, чтобы отвлечься, посмотреть британскую комедию в местном кинотеатре. В одной из сцен бомба, которая должна была взорваться, не взорвалась. На экране появилась надпись: «Конечно, ведь она сделана в Японии». Это был странный опыт для Гарри. В комедии высмеивались японцы — они были показаны кривоногими, косоглазыми «азиатами», неспособными изготовить взрывающуюся бомбу, стреляющее ружье или плывущий корабль. Однако Гарри было несмешно: японцы показали себя мощной, дисциплинированной силой с великолепно работающей техникой.

Другая империя — Российская, в отличие от Британской, испытала свой шок раньше, первой из европейских империй потерпев поражение от восходящего азиатского игрока. В начале русско-

японской войны 1904—1905 гг. российская пресса потешалась над японскими войсками, аргументируя это тем, что «мы [японцев] шапками закидаем». Не закидали, а слово «шапкозакидательство», до того воспринимавшееся совершенно серьезно, стало ироническим определением глупой самонадеянности.

В сегодняшней России хотя, наверное, и отсутствует шапкозакидательство по отношению к азиатским экономикам, тем не менее налицо достаточно слабое представление об особенностях их развития. Почему интересен именно азиатский опыт? Предлагаемая читателю книга «Азиатская модель управления» должна помочь, с одной стороны, демистифицировать истоки успеха, а с другой стороны, продемонстрировать фактический опыт соседей, который может послужить уроком для реформирования российской экономики.

Известный ученый Ангус Мэдиссон, автор так называемых «таблиц Мэдиссона», где приведена статистика валового продукта на душу населения в различных странах мира за последние 200 лет, проиллюстрировал, что существуют две устойчивые траектории роста экономики, которые условно выглядят как «первая и вторая космическая скорость» (определение А. А. Аузана). Большинство стран мира, в том числе и Россия, предпринявших серьезные попытки модернизации за последние полвека (а их было более 70), хотя и растут, но очень медленно. То есть находятся на «первой космической скорости». Так вот, только у пяти стран получилось перейти с «первой скорости» на «вторую». Удивительно, но все пять являются азиатскими: Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. Сейчас в этот клуб рвется еще один мощный игрок — Китай. Если учесть специфику двух офшорных финансовых центров, одновременно являющихся крупными торговыми портами, коими являются Гонконг и Сингапур, то еще более удивительным является тот факт, что успешная модернизация Японии, Южной Кореи, Тайваня, а теперь и Китая следует примерно одинаковым рецептам, за которой стоят весьма конкретные меры и набор идей. Суть идей одновременно проста и масштабна, состоит из трех частей «пазла».

Часть 1. Продуманная индустриальная политика государства

Несмотря на дискуссии о постиндустриальном развитии и сервисах как о новой панацее от отставания, основой успеха азиатских «тигров» является собственная промышленность. Для иллюстрации данного пункта необходимо совершить небольшой исторический экскурс.

Переломным моментом, предопределившим успешную индустриализацию в Азии, является так называемая миссия принца То-моми, имевшая место вскоре после революции Мэйдзи в Японии (1868). Миссия, собранная из 51 представителя разных сфер — индустрии, сельского хозяйства, финансов — осуществила визит в 15 разных стран в 1871—1873 гг. По результатам визита, включавшего посещение бирж, заводов, шахт, железных дорог, верфей, и проч., был подготовлен 12-томный документ под названием «Мнения об индустриальном развитии», который стал документом, сфокусировавшим развитие японской экономики на приоритетных секторах. Наиболее важное значение для японцев имела Германия: именно в Германии XIX в. впервые были формально сформулированы идеи о развитии экономики на основе собственной индустрии, к которым ранее экспериментальным путем пришли Британия и США. Немецкий взгляд, сформулированный так называемой Исторической школой, аргументировал, что успешно развивающееся государство должно развить в первую очередь собственную промышленность, используя продуманную протекционистскую политику. Фридрих Лист, наиболее яркий и сравнительно малоизвестный в России представитель Исторической школы, является, пожалуй, наиболее значительным политическим экономистом XIX в. после Карла Маркса: именно он предложил альтернативу коммунистическому подходу к развитию индустриального общества. Лист аргументировал, что идеи Адама Смита об эфемерной «невидимой руке рынка» и Давида Рикардо о «сравнительном [торговом] преимуществе» в корне некорректны. Так, торговая теория Рикардо гласит, что страна должна специализироваться в таком виде экономической деятельности, в котором она

относительно более эффективна. Соответственно, если бы сначала Япония, а затем Корея, Тайвань и Китай развивались исходя из теорий Адама Смита и Давида Рикардо, мировая экономика получила бы четырех крупных производителей риса, а не высокотехнологичных индустриальных игроков. Основной идеей Листа является то, что вначале страна должна осуществить внутреннюю индустриализацию, а затем атаковать экспортные рынки. Это в каком-то смысле антитеза импортозамещению — экспортоориентированность. Интересно, что и Британия, и США вели исключительно протекционистскую индустриальную политику, направленную на защиту собственных *infant industries* (букв.: «младенческие отрасли промышленности» — термин, придуманный самим Александром Гамильтоном, который в качестве министра финансов был ответственен за формирование индустриальной политики США), активно продвигая при этом идеологию свободных рынков. Идеи Листа, которые он почерпнул в США (где он жил между 1825 и 1832 гг.) были впервые применены на практике в Германии, а уже потом с успехом опробованы в Японии: историк Кеннет Пайл называл копирование траектории развития успешных экономик, в первую очередь Германии, «идеей фикс» правительств Мэйдзи. Так, Ито Хиробуми, первый (и многократный) премьер-министр Японии, провел два месяца в Германии, тесно общаясь с Железным канцлером, Отто фон Бисмарком, а Хирата Тосукэ, министр сельского хозяйства и коммерции Японии в 1890-х и архитектор экономических реформ, получил степень профессора в Германии и осуществил первый перевод трудов Листа на японский язык. В основу японского экономического чуда легла политика «рационализации», как ее называли японцы, то есть рационального использования ограниченных ресурсов для сфокусированного развития экономики при помощи *дзайбацу* (букв.: «денежный клан») — мощных финансово-промышленных групп, таких как Mitsubishi, Mitsui, Sumitomo. После Второй мировой войны практически все *дзайбацу* были реформированы в *кэйрэцу* (букв.: «иерархический порядок»), и в виде *кэйрэцу* существуют до сих пор и контролируют существенную часть экономики Японии.

Интересно, что Пак Чон Хи, президент Кореи в 1961—1979 гг. и отец корейского экономического чуда, является в значительном смысле продолжателем японских идей. Выпускник японской имперской академии и бывший лейтенант японской армии, какую-то часть своей жизни проживший под японским именем Такаги Масао, он следовал японским идеям о формировании сильных экспортоориентированных концернов. (Только в Корее они назывались не «дзайбацу», как в Японии, а «чеболь». Это всего лишь корейское и японское произношения одного и того же слова, иероглифами оно пишется одинаково.) Так же, как и ранее в Японии, в Корее 1970-х государственные чиновники зачитывались книгами Листа, а сам Пак Чон Хи восторгался Бисмарком. С презрением относившийся к советам не практикующих экономистов, в том числе иностранных, Пак Чон Хи проигнорировал отчет Всемирного банка 1974 г., высказывавший «серьезнейшую озабоченность насчет практичности целей по экспорту продукции тяжелого машиностроения» и рекомендовавший стране сфокусироваться на текстиле (к слову сказать, в начале 1970-х ключевыми статьями корейского экспорта были: 1) текстиль; 2) фанера; 3) парики!). Точно так же, как и в Японии, Пак Чон Хи отдавал приоритет производству стали, судостроению, а позже автомобилестроению и производству полупроводников.

Являвшийся в 1926—1927 гг. студентом коминтерновского Университета имени Сунь Ятсена в Москве великий китайский реформатор Дэн Сяопин считал образцом экономической политики нэп и именно ее взял за основу китайских реформ 1980-х. Говоривший о необходимости «четырех модернизаций» — промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки — Дэн Сяопин, по японскому образцу вековой давности, направил четыре миссии: в Японию, Восточную Европу, Западную Европу и Гонконг. Изначально склонявшиеся к восточноевропейскому (в основном югославскому) опыту китайцы в итоге выбрали японскую модель как образец. В особенности китайцы были под впечатлением от того, как японское Министерство международной торговли и промышленности (MITI) анализирует конкурентоспособность японских фирм на мировых рынках и планомерно распределяет ресурсы

экономики для обеспечения того, что принято называть устойчивым конкурентным преимуществом. Две ключевые китайские организации, созданные в Китае в 1979 г. — Ассоциация контроля качества и Ассоциация управления предприятиями — обучали тысячи китайских руководителей почерпнутым из Японии идеям. Таким образом Япония, исторический конкурент и злейший враг со времен как минимум китайско-японской войны 1894—1895 гг., закончившейся аннексией Тайваня, пыталась искупить историческую вину и в итоге сыграла ключевую роль в модернизации Китая. Сам же Дэн Сяопин был первым китайским лидером за 2200 лет контакта между Китаем и соседним островом, посетившим Японию и встретившимся с императором. Опять-таки, приоритет в развитии промышленности в Китае был дан экспортоориентированным отраслям с максимальным мультипликативным эффектом: тому же сталелитейному сектору, судостроению, автомобилестроению, высоким технологиям. Эволюцию немецко-японско-корейско-китайских идей развития промышленности можно условно проиллюстрировать на примере цепочки брендов Mercedes—Toyota—Hyundai—Geely, или же Siemens—Sony—Samsung—Xiaomi.

Часть 2. Выверенная реформа сельского хозяйства

Наиболее элегантно взаимосвязь между целями развития промышленности и целями развития сельского хозяйства выразило в 1945 г., после так называемой ретроцессии от Японии, правительство Тайваня, сформулировавшее свою задачу как «развитие индустрии через сельское хозяйство, и развитие сельского хозяйства через индустрию». Будучи составной частью общей экономической повестки, реформа сельского хозяйства должна одновременно служить трем ключевым целям:

а) Обеспечение занятости населения как механизма социальной стабильности и устойчивого развития общества. Как отметил, пожалуй, самый видный экономист по развитию Майкл Липтон, «для выполнения общих целей развития общества необходимо развивать сельское хозяйство». Можно, конечно, долго фантазировать

о бурном росте ИТ-технологий и мини-силиконовых долин как механизма вытягивания страны из бедности, однако пожалуй, даже самая успешная азиатская страна в сегменте ИТ-услуг, Индия, обеспечила трудозанятостью в ИТ-секторе примерно 3 млн человек, в то время как в сельском хозяйстве страны занято примерно в 200 раз больше, 600 млн человек.

б) Масштабирование хозяйств. Атомизация хозяйств, т. н. *sub-scale agriculture* — прямой путь к гарантированию бедности страны. Для обеспечения успешного развития экономики страны масштабироваться и специализироваться (то есть сфокусироваться на так называемых *anchor points*, «якорях») должна не только промышленность, но и сельское хозяйство. Интересно, что важнейшую роль в успешных реформах аграрного сектора в Азии (в частности, в Японии и Тайване) после Второй мировой войны сыграл Вольф Исаакович Ладежинский, бывший ключевым советником генерала Дугласа Макартура по вопросам сельского хозяйства. Уроженец Украины, эмигрировавший от ужасов революции в США, он считал, что залогом обеспечения экономического роста в сельском хозяйстве является ликвидация грабительской помещичьей ренты и создание крупных, специализированных хозяйств. Согласно пакету реформ Ладежинского, использованному в Японии, государство выкупало у помещиков-рантье излишки земли, которые затем продавались на льготных условиях, с 30-летней рассрочкой, крестьянам-арендаторам. Тут важно отметить тот факт, что экстраординарность аграрных реформ в Азии обусловлена небольшим размером доступной для сельского хозяйства территории. Так, в Японии, состоящей из четырех крупных и 6848 мелких островов, несмотря на большую, чем у Германии, общую территорию, три четверти непригодно для жизни, и только 13% можно использовать в сельском хозяйстве (это одна из причин, объясняющих высокую стоимость японской сельхозпродукции), на Тайване для культивации доступно свыше 75% земли, а в Южной Корее — 78%.

с) Использование последних достижений технологий и ориентация на экспорт. Экспортные рынки, благодаря таможенной статистике, позволяют отслеживать успешность продаж на внешних рынках

и «рационализировать» спектр производимой продукции. Международные продажи являются механизмом обратной связи, с помощью которого правительства могут оценить, успешно ли проходит реформирование сельского хозяйства. Опять-таки, экспортоориентированность, а не импортозамещение, является *name of the game* (букв.: «название игры»). Именно поэтому азиатские игроки специализируются на высокорентабельных нишевых сельскохозяйственных продуктах. Так, Тайвань является лидером в производстве консервированных продуктов, а Япония успешно экспортирует сверхдорогое мясо «вагью», рыбу и фрукты. При этом согласно исследованию Deutsche Bank, производительность труда южнокорейского фермера, выращивающего традиционную культуру — рис, в 40 (!) раз выше производительности труда китайского фермера, в первую очередь благодаря использованию новейших технологий. Заканчивая тему сельского хозяйства, отмечу, что сельское хозяйство скорее всего придётся субсидировать — просто потому, что на международных сельскохозяйственных рынках ведется «война субсидий».

Часть 3. Финансовый сектор как поддерживающая система

В сегодняшнем мире финансовый сектор играет диспропорционально важную роль, став по сути дела вершиной пирамиды экономики крупных стран. И Япония, и Корея, и Китай вели — и ведут — серьезную политику контроля потоков капитала, в первую очередь контролируя курс национальной валюты. Показателен японский пример: Япония отменила механизмы контроля потоков капитала под давлением США лишь в 1985 г. За два года курс иены вырос в цене по отношению к доллару в два раза, что резко ударило по экспортному потенциалу страны в 1990-х. Стараясь не повторять ошибок соседей, Корея, сильно пострадавшая от кризиса 1998 г., и Китай, находящийся под постоянным давлением США с целью ревальвации юаня, всячески стараются контролировать так называемые *hot money* (букв.: «горячие деньги»), вводя новые ограничения на вывоз капитала (последние не далее как летом 2016 г.).

При этом стоит отметить, что роль финансового сектора многократно увеличилась после кризиса 2008 г., с введением политики «количественного смягчения» сначала ФРС, а затем и другими центробанками. Для иллюстрации: за последние восемь лет монетарная база США выросла в беспрецедентные пять раз, с \$ 800 млрд до \$ 4 трлн. Именно дешевые деньги (а на сегодняшний день, как мы знаем, ставки процента являются отрицательными в ряде важнейших экономик) способствовали фондированию крупных инвестиционных проектов: от сланцевых месторождений в США до месторождений угля в Австралии. В этом заключается, наверное, самый большой парадокс мировой экономики последних лет: взрывное наращивание монетарной базы центральными банками посредством «количественного смягчения» не привело к ожидаемой вспышке инфляции, а наоборот, привело к снижению цен на ряд товаров, в первую очередь сырьевых, из-за введения в строй новых инвестиционных проектов (условно говоря, цена на нефть не выросла, а упала ввиду того, что были введены в строй месторождения сланцев). При этом в отличие от России, которая, к сожалению, в результате санкций оказалась вне capital highway — «магистралей капитала», азиатские игроки весьма успешно работают с рынками капитала (сейчас в Азии говорят об overfunding issue — «проблемы наличия излишнего капитала»), создавая тем самым задел для нового качественного рывка азиатских экономик. Особенную роль в налаживании доступа азиатских экономик на мировые рынки капитала играют Гонконг и Сингапур, бывшие ранее английскими колониями и ставшие успешными офшорными центрами в значительной мере благодаря интеграции с рынками капитала, в значительной мере англосаксонскими по своей сути.

Помните молодого сингапурца по имени Гарри в начале статьи? Под сильным впечатлением от успехов, продемонстрированных японцами, он решил перестать стесняться своего азиатского происхождения и, наоборот, гордиться им. Как первый шаг, он отбросил свое английское имя Гарри и вернул себе свое китайское имя Ли, под которым и вошел в историю. Создатель современного Сингапура. Ли Куан Ю.

Руслан Алиханов

От автора

Два важнейших источника информации, использованных мною, — это создаваемая с 1980 г. база данных из доклада «Перспективы развития мировой экономики» (World Economic Outlook) Международного валютного фонда (МВФ) и создаваемая с 1960 г. база данных «Показатели мирового развития» (World Development Indicators) Всемирного банка. Если ссылка на источник приведенного параметра отсутствует, значит, он был взят из вышеупомянутых баз данных. Я решил не указывать постоянно источники, связанные с МВФ и Всемирным банком, ради того чтобы уменьшить количество ссылок в книге.

Отмечу, что Всемирный банк изменил терминологию и вместо «валового национального продукта» (ВНП) теперь применяет «валовой национальный доход» (ВНД). Хотя некоторые читатели, возможно, больше привыкли к прежнему термину, в тексте используется только новый. Согласно пояснениям Всемирного банка, методологических различий между этими терминами нет. Читатели должны иметь ввиду следующее различие: ВНП включает доход государства как из внутренних, так и из внешних (международных) источников, в то время как ВВП — только доходы внутренней (национальной) экономики.

Несмотря на все мои усилия сократить число примечаний, их набралось довольно много, поскольку требовались пояснения к тому или иному пункту или же доказательства того, что мои утверждения базируются на солидном источнике. Я не думаю, что читатели станут просматривать все примечания подряд. Для многих читателей лучше всего будет обращаться к примечаниям только тогда, когда высказанное соображение покажется им важным или спорным. Для тех же, кто особенно интересуется данной тематикой, я надеюсь рано или поздно опубликовать в виде отдельного приложения научное исследование в поддержку своих высказываний. Сообщения об этом можно будет отслеживать на www.howasiaworks.com.

По умолчанию указаны обменные курсы валют, которые применялись в рассматриваемый год или период времени.

Введение

Эта книга посвящена тому, как осуществляется или не осуществляется быстрая трансформация экономики. С точки зрения автора, для того чтобы ускорить экономическое развитие своей страны, правительство может применить три основных механизма вмешательства. В тех странах Восточной Азии, где эти механизмы применялись наиболее эффективно — в Японии, Южной Корее, на Тайване, а теперь и в Китае, — они вызвали самый быстрый переход от бедности к процветанию, который когда-либо видел наш мир. Если же государство в этом регионе приступало к реформам с такими же амбициями и аналогичными (или даже лучшими) финансовыми ресурсами, но не использовало подобные механизмы, то оно переживало бурный экономический рост лишь в течение определенного времени, а достигнутый прогресс оказывался недолговечным.

Первый механизм — его недооценивают чаще всего — это максимальное повышение эффективности сельского хозяйства, ведь именно в нем занято подавляющее большинство населения в беднейших странах. Опыт экономически успешных государств Восточной Азии показал, что сделать это можно путем реструктуризации сельского хозяйства в семейные фермерские хозяйства с высокой трудоемкостью — слегка укрупненную форму личного подсобного хозяйства. Такой подход позволяет использовать всю наличествующую в неразвитой экономике рабочую силу и поднять урожайность и продукцию сельского хозяйства до максимального возможного уровня, хотя и при незначительном росте дохода на душу наемного работника. Главный результат правительственного вмешательства на этом этапе — создание начального избытка продукции, который, в свою очередь, поднимает спрос на товары и услуги.

Следующий механизм вмешательства (во многих отношениях второй «этап») — это направление инвестиций в обрабатывающую промышленность и привлечение к ней предпринимателей. Дело в том, что обрабатывающая промышленность позволяет наиболее полно использовать скромные производственные навыки,

которые в развивающихся экономиках присущи рабочей силе, появляющейся за счет ее оттока из сельского хозяйства. Сравнительно низкоквалифицированные рабочие создают стоимость на предприятиях, управляя машинами, которые без труда можно купить на мировом рынке. Кроме того, в процветающих странах Восточной Азии правительства проложили новые пути к ускорению технологического прогресса в обрабатывающей промышленности за счет субсидий, предоставляемых в зависимости от показателей экспортной деятельности. Такое сочетание субсидий и, согласно моему определению, «экспортной дисциплины» подняло темпы индустриализации в успешных азиатских странах до небывалого уровня.

Наконец, интервенции в финансовый сектор с целью привлечь капитал к развитию интенсивного мелкомасштабного сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности представляют собой третий ключ к ускоренным экономическим преобразованиям. Роль государства здесь состоит в том, чтобы удерживать средства нацеленными на стратегию развития, которая максимально ускоряет обучение технологическим навыкам и тем самым создает возможность получения в будущем высоких прибылей, а не краткосрочной выгоды и индивидуального потребления. Подобные меры порой создают противостояние между правительством и многими бизнесменами, а также потребителями, чей стратегический горизонт, естественно, ограничен.

Рецепты ускоренного экономического развития в Восточной Азии какое-то время сбивали с толку на фоне других быстро развивающихся стран, которые, однако, не следовали по пути Японии, Южной Кореи, Тайваня и Китая. В 1980-х — начале 1990-х гг. эксперты Всемирного банка ухватились за примеры эффективно работавших офшорных финансовых центров Гонконга и Сингапура, а также внезапно набравших еще более стремительные темпы роста Малайзии, Индонезии и Таиланда в Юго-Восточной Азии, чтобы провозгласить: экономическое развитие на самом деле стимулируется политикой *невмешательства* со стороны государства, при его минимальной роли.

Невзирая на тот факт, что офшорные центры при высокой плотности их малочисленного населения и полном отсутствии аграрного сектора, мешающего оживлению экономики, невозможно корректно сравнивать с обычными странами, Всемирный банк использовал Гонконг и Сингапур в качестве двух из трех «доказанных» практических примеров в своем крайне противоречивом докладе от 1987 г.¹ После того как ученые повсеместно подвергли этот доклад критике, Всемирный банк выступил еще с одним в 1993 г. — «Экономическое чудо Восточной Азии» (The East Asian Miracle), и в нем уже признавалось наличие в ряде государств промышленной политики, равно как и покровительства молодых отраслей промышленности. Однако и в этом докладе принижалась значимость такой политики, вообще игнорировалось сельское хозяйство, а Гонконг и Сингапур объединялись в одну группу с Малайзией, Индонезией и Таиландом. Вследствие чего Япония, Южная Корея и Тайвань попадали в статистические «случайности» на фоне «высокопроизводительных азиатских экономик». (Китай же в докладе и вовсе не упоминался.)²

Это был идеологически обусловленный период так называемого Вашингтонского консенсуса, когда Всемирный банк, Международный валютный фонд и Министерство финансов США объединились в своей решимости доказать, что идеи свободного рынка, которые как раз входили в моду в США и Великобритании, пригодны для любой национальной экономики, независимо от уровня ее развития³. Дискуссии достигали такого накала, что принципы научной добросовестности зачастую приносились в жертву, как происходило с докладами Всемирного банка.

Увы, даже те ученые, которые специализировались на Японии, Южной Корее и Тайване и противостояли позиции Вашингтонского консенсуса по вопросам экономического развития, делали сомнительные заявления, чтобы подкрепить свою аргументацию. Это приводило к еще большей путанице. Например, Чалмерс Джонсон в предисловии к своему фундаментальному исследованию экономического развития Японии (1982) написал: «[Японская модель экономического развития] повторяется сейчас во вновь

индустриализированных государствах Восточной Азии — Тайване и Южной Корее, а также Сингапуре и странах Южной и Юго-Восточной Азии». Элис Эмсден, которая в свое время осуществила исчерпывающий разбор экономического развития Южной Кореи, в предисловии к своей следующей книге ссылалась на «модель, используемую в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Таиланде». И даже Уолт Уитмен Ростоу, автор одной из самых первых послевоенных книг по теории экономического развития и наиболее исторически содержательной — «Стадии экономического роста» (*The Stages of Economic Growth*), в предисловии к ее очередному переизданию в 1991 г. торжественно заявил, что Малайзия и Таиланд следуют к технологической зрелости тем же путем, что Южная Корея и Тайвань⁴. В спорах об экономических моделях Восточной Азии каждый специалист выходил за пределы собственной компетенции в попытке склонить дебаты на свою сторону.

Расхождения по вопросу о том, какова природа экономического развития Восточной Азии, стали возможными из-за темпов роста, продолжающих оставаться высокими по всему региону. Однако в начале 1980-х гг. Бразилия, выдающийся пример быстрого экономического развития в Латинской Америке 1960—1970-х гг., продемонстрировала, насколько опасно судить об экономическом прогрессе только по темпам роста. Напомним, что экономика Бразилии, единственная из крупных за пределами Восточной Азии, сумела на протяжении более четверти века прирастать на уровне более 7 % в год⁵. Но когда в 1982 г. в Латинской Америке разразился долговой кризис, экономика Бразилии рухнула вследствие обесценивания национальной валюты, роста инфляции и на годы застряла в состоянии нулевого роста. Выяснилось, что своим предыдущим развитием Бразилия слишком во многом была обязана огромному долгу, что не привело к созданию по-настоящему продуктивной и конкурентоспособной экономики.

Начиная с 1997 г., после того как семь стран региона (Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай, Малайзия, Индонезия и Таиланд) в течение четверти столетия развивали свои экономики со скоростью минимум 7 % в год, Восточная Азия получила счета к оплате,

когда регион охватил финансовый кризис. К тому моменту Япония давно превратилась в страну со зрелой экономикой, столкнувшейся с новым набором структурных проблем, возникших вслед за периодом развития, и с ними страна справлялась гораздо хуже, чем с первоначальной задачей «просто» разбогатеть. Южная Корея, Тайвань и Китай, однако, в этот момент все еще находились в фазе «догоняющего» развития. Эти государства либо вовсе не были затронуты кризисом, либо быстро от него оправились и возобновили активное развитие и технологическое обновление. А вот Малайзия, Индонезия и Таиланд оказались совершенно выбитыми из колеи. Им пришлось пережить инфляцию, падение курса национальной валюты и темпов роста. Показательно, что в сегодняшних Индонезии и Таиланде ВВП на душу населения составляет в год соответственно лишь \$ 3000 и \$ 5000, а уровень бедности до сих пор остается значительным. Для сравнения, в Южной Корее и на Тайване годовой ВВП на душу населения равен примерно \$ 20 000. Между тем в конце Второй мировой войны все четыре страны были одинаково бедными⁶.

Кризис в Восточной Азии выявил тот факт, что непротиворечащая система вмешательства государства в экономику действительно создает различие между долговременными экономическими достижениями и кратковременным прогрессом, заканчивающимся неудачей. Правительства Японии, Южной Кореи, Тайваня и Китая после Второй мировой войны радикально видоизменили сельское хозяйство, сосредоточились на модернизации обрабатывающей промышленности и заставили национальные финансовые системы служить этим двум целям. Таким образом они изменили структуры своих экономик настолько, что откат к прежнему состоянию оказался невозможен. В государствах же Юго-Восточной Азии, несмотря на долгие периоды их впечатляющего экономического развития, правительства не реорганизовали сельское хозяйство коренным образом и не создали конкурентоспособных на мировом рынке производственных предприятий, зато *последовали* скверным советам со стороны развитых стран и открыли свои финансовые сектора уже на ранних стадиях экономического

развития. Японский экономист Иосихара Кунио еще в 1980-х гг. предупреждал, что государства Юго-Восточной Азии рискуют так и остаться развивающимися странами «без технологий». Так впоследствии и случилось — эти страны начали пятиться, когда их инвестиционные фонды иссякли. Словом, выбор определенной политики создал изрядный разрыв в развитии стран Азиатского региона, и, вполне возможно, этот разрыв будет и дальше расти⁷.

Две Восточные Азии

Итак, три стратегии — сельскохозяйственная, промышленная и финансовая, — которые и определяют успех или неудачу, начали реализовываться за несколько десятилетий до того, как в 1980—1990-х гг. начались дебаты вокруг «азиатского экономического чуда». Именно эти стратегии и будут исследованы в книге. Начнем же с коренного перераспределения сельскохозяйственных земель в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Китае в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Собственность на землю была важнейшим политическим вопросом в Восточной Азии после Второй мировой войны, и обещания земельной реформы определили победу коммунистов в Китае, Северной Корее и Вьетнаме. Однако во всех странах, пошедших по пути социализма, семейное фермерство было вскоре заменено (по идеологическим соображениям) коллективизацией, что привело к стагнации или снижению урожайности. В Японии, Южной Корее и на Тайване программы по перераспределению земель в пользу семейного фермерства внедрялись мирным образом и доказали свою состоятельность. Именно это привело к долговременному подъему села, что способствовало и общеэкономическим реформам.

В Юго-Восточной Азии после войны также велись серьезные дебаты относительно более справедливого распределения земель, создания служб по распространению среди фермеров передовых знаний и опыта, предоставления доступных сельскохозяйственных кредитов. Было запущено изрядное количество реформаторских программ. Однако реальный эффект от их внедрения оказался намного меньше, чем на северо-востоке региона. Именно с этого

и началось экономическое расхождение между различными государствами Восточной Азии. Неудача, постигшая лидеров стран Юго-Восточной Азии при попытке справиться с проблемами сельского хозяйства, значительно затруднила дальнейшее развитие экономики и предрешила последующие провалы на политическом поприще. Примечательно, что даже 60 лет спустя земельный вопрос все еще остается насущным на Филиппинах, в Индонезии и Таиланде. В Малайзии эта проблема ощущается менее остро, но лишь потому, что богатые природные ресурсы страны позволяют смягчить убытки от низкой продуктивности ее сельского хозяйства.

В первой части книги я подробно разбираюсь в том, почему так велика значимость сельского хозяйства, используя в том числе личные впечатления от путешествий по Японии и Филиппинам.

Вторая часть посвящена роли обрабатывающей промышленности. Изучается то, как Япония, Южная Корея, Тайвань и Китай совершенствовали способы сочетания субсидирования и протекционизма национальных производителей, чтобы содействовать их развитию, с поддержанием конкуренции и «экспортной дисциплиной», понуждавшей промышленников выходить на международный рынок и, как следствие, становиться конкурентоспособными в мировом масштабе. Такой подход позволил преодолеть проблему, обычно возникающую при предоставлении субсидий и протекционистских мер, когда предприниматели прибирают к рукам финансовые поощрения, но не справляются с тяжелой работой по созданию конкурентоспособных продуктов. Однако фирмы уже не могли прятаться за ввозными пошлинами и другими барьерами, продавая свою продукцию исключительно на защищенном домашнем рынке, поскольку предоставление протекционистских мер, субсидий и кредитов ставилось в прямую зависимость от роста экспорта. Производители, которые не могли соответствовать контрольным показателям экспорта, оказывались отрезанными от государственных щедрот и вынуждены были сливаться с более успешными фирмами, а порой и банкротиться. Благодаря такой политике, правительства в конечном счете получили у себя дома

производителей мирового класса и тем самым окупили значительные вложения государственных средств.

Так возникло еще одно резкое расхождение в политике стран Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и стран Северо-Восточной Азии вкупе с Китаем — с другой. В первой группе предприниматели были ничем не хуже, чем во второй, однако правительства не сумели привлечь их к производству и не подчинили их экспортной дисциплине. Вместо этого в государственном секторе создавались промышленные предприятия, которые почти не конкурировали между собой и от которых не требовали выпуска продукции на экспорт. Как следствие, правительства получали крайне низкий доход от всех форм инвестиций в свою промышленную политику. В период бума 1980—1990-х гг. неспособность создать местные обрабатывающую промышленность и технический потенциал прикрывал интенсивный приток прямых иностранных инвестиций, правда, по большей части в производственные операции уже развитых отраслей обрабатывающей промышленности.

С наступлением же азиатского кризиса разница в индустриальном развитии между Юго-Восточной Азией и Северо-Восточной Азией стала совершенно очевидной. В Юго-Восточной Азии почти не возникло общепризнанных, конкурентоспособных на мировом рынке компаний обрабатывающей промышленности. Сингапурская Tiger Beer, тайские Singha Beer и Chang Beer — пожалуй, только их можно причислить к более или менее широко признанным промышленным брендам Юго-Восточной Азии. Однако, что весьма симптоматично, ни одна из этих трех пивоваренных компаний на самом деле не является *предприятием обрабатывающей промышленности*. В отсутствие успешных, крупных, фирменных компаний местного происхождения экономика стран Юго-Восточной Азии остается в технологической зависимости от транснациональных корпораций, перебиваясь кое-как в качестве подрядчика низкоприбыльных структур международных серийных производителей. Методы, позволившие (или не позволившие) государствам стать хозяевами своей индустриальной судьбы, изучаются во второй части в связи с поездками автора в Южную Корею и Малайзию

с посещением тех мест, где эти страны старались развивать соответственно свою сталелитейную и автомобильную промышленность.

Третья часть книги посвящена финансовой политике. В успешно развивающихся государствах Восточной Азии структура финансов определялась необходимостью достижения целей — создания высокоурожайных малых фермерских хозяйств и приобретения производственных навыков. В этой связи финансовые системы в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Китае находились под строгим государственным надзором, а потоки иностранного капитала тщательно отслеживались вплоть до перехода страны в статус экономически развитой. Главным механизмом, обеспечившим финансовую поддержку достижению целей государственной политики, стало банковское кредитование, с помощью которого воздействовали на производителей, с тем чтобы они соблюдали экспортную дисциплину. Для получения кредита фирмам приходилось предъявлять экспортные заказы. В финансовых кругах экспортная деятельность также служила банкам дополнительной гарантией того, что кредит будет выплачен, поскольку экспортеры почти по определению были более надежными бизнесменами, чем те, кто работал только на внутренний рынок.

С целью финансирования экономического развития проценты по банковским депозитам в Северо-Восточной Азии и Китае начислялись значительно ниже рыночных ставок — в форме скрытого налогообложения, что позволяло окупать субсидии сельскому хозяйству и промышленности. Это вызвало возникновение нелегальных кредитных организаций, однако такие «черные» рынки не вызвали оттока денежных средств из банков в объеме, способном привести к дестабилизации.

Денежные суммы, хранившиеся в банках Юго-Восточной Азии, были ничуть не меньше, чем у их северных соседей. Однако правительства этих стран направляли огромные средства, имевшиеся в их распоряжении, на ложные цели — создание крупных, но низкоурожайных аграрных хозяйств и компаний, которые либо вообще не имели отношения к обрабатывающей промышленности, либо работали только на защищенный таможенными барьерами

внутренний рынок. Страны этого региона еще больше ухудшили перспективы своего развития, когда, последовав советам богатых стран, ослабили контроль над банками, открыли финансовые рынки и перестали контролировать движение капитала. Такие же советы предлагались и Японии, Южной Корее, Тайваню и Китаю на ранних стадиях их экономического развития, но они благоразумно воздерживались от нововведений, пока это было возможно. Преждевременное финансовое дерегулирование в Юго-Восточной Азии привело к быстрому разрастанию банков, контролируемых семейным бизнесом, которые никак не поддерживали ориентированную на экспорт обрабатывающую промышленность, а вместо этого выдавали огромные нелегальные займы аффилированным лицам. Банки в этом регионе оказались подчинены узким интересам частного бизнеса, чьи цели лежали далеко в стороне от целей национального экономического развития. Тот же процесс наблюдался в свое время в Латинской Америке и позднее повторился в постсоветской России. В деталях мне довелось изучать негативные результаты финансовой либерализации в Юго-Восточной Азии во время поездки в столицу Индонезии Джакарту, где новый финансовый квартал вырос как на дрожжах в преддверии азиатского финансового кризиса.

Исследуемые страны

Я сделал в книге ряд упрощений, с тем чтобы не выхолащивать ее основные положения и изложить исторические события как можно более кратко. В том числе надо было решить, какие именно страны Восточной Азии оставить за пределами повествования. Поскольку разговор идет о стратегиях развития, принесших хотя бы незначительный успех, то несостоятельные государства вообще не рассматриваются. Это — Северная Корея, Лаос, Камбоджа, Мьянма и Папуа — Новая Гвинея, находящиеся у нижнего предела классификации ООН по индексу человеческого развития (ИЧР)⁸. Причины провалов у каждой из этих стран различны, но явственно выделяется одна общая характеристика — как в экономическом, так и в политическом отношении все они замкнуты

на самих себя. В той или иной степени они прошли через давно известные уроки, преподанные еще Китаем до 1978 г., Советским Союзом до 1989 г. и Индией до 1991 г.: если страна не торгует и не взаимодействует с внешним миром, то у нее практически нет шансов на успех в гонке за развитием.

Также я ограничивался анализом проблем развития только в тех странах, которые называю «настоящими», поэтому не рассматриваю два главных офшорных финансовых центра Восточной Азии — Гонконг и Сингапур. (Точнее будет определить их как портово-офшорные финансовые центры, поскольку они выполняют еще и роль морских хабов.) За рамками обсуждения остаются нефтяное микросоударство Бруней и традиционный игровой центр Восточной Азии — Макао. Как уже упоминалось выше, во многом бессмысленные и сбивающие с толку дебаты годами подогревались сопоставлением процессов развития, скажем, Гонконга с Китаем или же Сингапура с Индонезией. Главным зачинщиком здесь выступал Всемирный банк, а я не намерен оживлять эти затихшие дискуссии. Офшорные центры не являются нормальными государствами. Повсюду в мире они конкурируют между собой, специализируясь на торговых и финансовых услугах и извлекая выгоду от низких непроизводительных расходов по сравнению со странами с большим, но рассредоточенным населением и сельским хозяйством, препятствующим повышению продуктивности⁹. Низкие непроизводительные расходы заведомо создают для офшорных центров и налоговые преимущества. Однако такие центры не могут существовать в изоляции, будучи в точном значении слова паразитическими, поскольку они нуждаются в хозяине или хозяевах, от которых могут кормиться¹⁰.

Остров Тайвань рассматривается как самостоятельное государство, пусть это и неверно с точки зрения политики, зато с точки зрения экономики является наилучшим подходом. Хотя правительства большинства стран воспринимают Тайвань в качестве одной из провинций КНР, начиная с 1949 г. он функционирует как независимое политическое и экономическое образование. А еще раньше остров на протяжении полувека был японской колонией.

Обладая населением в 23 млн, Тайвань проделал эволюцию, которая, с одной стороны, отличается от того, что происходило в материковой части Китая, а с другой — обнаруживает поразительное и плохо освещенное в литературе сходство в экономической политике вследствие обмена опытом между коммунистическими и гоминьдановскими политиками и чиновниками в 1930—1940-х гг. на основной территории страны. Структура книги позволяет рассмотреть оба аспекта экономической истории Тайваня.

Исключение из анализа офшорных центров и недееспособных государств и, наоборот, включение Тайваня оставляют нас с девятью значимыми экономиками Восточной Азии: северо-восточной группой в составе Японии и двух ее бывших колоний — Южной Кореи и Тайваня; юго-восточной, представленной Таиландом, Малайзией, Индонезией и Филиппинами; а также Китаем и Вьетнамом. Последний, однако, исключается из третьей «посткоммунистической» группы с целью дальнейшего упрощения структуры книги, за что я прошу прощения у вьетнамских читателей. Ведь их страна сходна с Китаем только определенной структурой экономики, но и это коммунистическое государство постепенно реформируется.

Непосредственно Китай вкупе с вопросом о том, насколько существенно стратегия экономического развития этой страны отличается от таковой в Японии, Южной Корее и на Тайване, рассматривается по большей части в четвертой главе, посвященной подъему ныне крупнейшей в Азии экономики. Тем не менее некоторые аспекты экономической истории Китая будут изучены прежде этого, поскольку их можно правильно понять только в более широком контексте развития всей Восточной Азии. Кампания по осуществлению земельной реформы, проводившаяся Коммунистической партией Китая, как и стратегия развития семейного фермерства, сменившиеся коллективизацией аграрного сектора, описаны в первой части. К рассмотрению событий, происходивших в сельском хозяйстве КНР после 1978 г., мы вернемся в четвертой части. Промышленная политика Китая в период до 1949 г. разбирается во второй части, поскольку эта тема имеет прямое отношение

к дальнейшим событиям на Тайване после бегства на остров в конце гражданской войны лидеров Гоминьдана и высокопоставленных чиновников, занимавшихся планированием. Отдельно об индустриализации материкового Китая после 1949 г. рассказывается в четвертой части. Там же рассматриваются почти все аспекты финансовой политики Китая.

На заднем плане

Из числа тех факторов, что влияют на экономическое развитие и не решаются одним лишь воздействием правительства на сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и финансы, важнейшим, пожалуй, является демографический. Численность и возрастной состав населения любой страны оказывают огромное воздействие на потенциал ее развития. Трудовые ресурсы являются такими же инвестициями в экономику — формой «капитала», как и деньги, поэтому крупная доля трудоспособного населения по отношению к численности детей и пенсионеров повышает возможности ускоренного роста. После Второй мировой войны быстрое снижение смертности населения, особенно среди детей, и столь же быстрый прирост трудоспособного населения сыграли огромную роль в развитии Восточной Азии. Эти демографические тенденции, ставшие следствием прогресса в здравоохранении и медицинской профилактике, способствовали беспрецедентному росту. Данное явление часто называют «демографическими дивидендами». Обратной стороной их, однако, становится последующее ускоренное старение населения — мы подразумеваем здесь увеличение доли пенсионеров по отношению к работникам. По достижении переломного момента объем рабочей силы начинает быстро сжиматься, а пенсионеры поглощают сбережения, служившие прежде фондами для инвестирования. Так, в Японии начиная с 1980-х гг. основные трудности были связаны именно с острыми демографическими проблемами, настигшими страну, которая лишь недавно создала промышленно развитую экономику. В Китае крайне быстрый прирост трудоспособного населения, сопровождавший экономический взлет, уже приближается к своему пику, и демо-

графические факторы, сдерживающие развитие, будут медленно нарастать на протяжении этого десятилетия.

При общезначимости демографического фактора конкретные социально-демографические характеристики становились неотъемлемой частью поучительного опыта в каждом государстве Восточной Азии. В этом смысле демографический процесс является непреложным фактом. Единственная попытка управлять демографией как элементом экономической политики была предпринята в Китае, но это не стало определяющим фактором развития страны. Мао Цзэдун агитировал за резкое повышение рождаемости, которое уже происходило, убеждая китайский народ в том, что он силен своей численностью. Затем Дэн Сяопин и его преемники приняли меры по ограничению рождаемости (которая уже и так стала снижаться), причем зачастую посредством жесткой принудительной политики. И все же вопреки страданиям, причиненным этим вмешательством государства в духе романа «О дивный новый мир» (Brave New World)*, реальными стимулами для экономического развития страны оказались все те же универсально действующие реформы сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и финансовой сферы. Словом, величина трудоспособного населения опять-таки оказалась менее важной для развития, чем меры в отношении этого населения.

Еще один важный фактор развития, который в этой книге остался на заднем плане, — это образование. Дело в том, что положительная корреляция между приростом ВВП и общей длительностью обучения населения оказалась гораздо менее очевидной, чем это представляют себе большинство людей¹¹. Наиболее тесная корреляция такого рода выявлена в глобальном масштабе у начального образования, но, даже отдавая дань уважения этому периоду формирования у детей базовых навыков грамотности и счета, мы имеем примеры таких стран, как Южная Корея и Тайвань, которые

* Роман-антиутопия английского писателя Олдоса Хаксли, опубликованный в 1932 г. В частности, люди в изображенном им обществе рождаются не традиционным путем, а выращиваются в бутылках на специальных заводах-инкубаториях. — *Примеч. ред.*

развились экономически с образовательным капиталом значительно ниже среднего уровня. В конце Второй мировой войны 55 % населения Тайваня было неграмотным, и даже в 1960 г. уровень неграмотности составлял 45 %. Уровень грамотности в Южной Корее в 1950 г. был ниже, чем в современной ей Эфиопии. Возможно, не столько образование способствует экономическому прогрессу, сколько экономический прогресс понуждает родителей давать своим детям образование, что, в свою очередь, создает возможности для дальнейшего экономического прогресса.

На Филиппинах в начале XX века колониальное правительство США уделяло образованию большое внимание, инвестируя в развитие школ. Как следствие, Филиппины до сих пор держат первое место в Юго-Восточной Азии по числу студентов, получающих высшее образование. Но, поскольку более существенные реформы потерпели фиаско, страна находится сейчас на грани превращения в недееспособное государство.

Выйдя за пределы Азии, увидим, что Куба занимает в мире второе место по числу грамотных детей старше 15 лет и шестое — по количеству школьников. Образование на Кубе остается приоритетом после революции 1960 г. Тем не менее страна занимает лишь 95-е место в мире по ВВП на душу населения. Переизбытком выпускников университетов и отсутствием для них адекватных возможностей трудоустройства объясняется, в частности, тот факт, что 25 000 кубинских врачей вынуждены устраиваться на работу в государственных клиниках за рубежом¹². Вот и в бывшем Советском Союзе выпуск высококвалифицированных специалистов никогда не соответствовал потребностям экономического развития.

Существуют два взаимосвязанных объяснения неустойчивой корреляции между уровнем образования в стране и уровнем ее экономического развития. Чаще всего объясняют это тем, что с точки зрения экономических перспектив предоставляется слишком много неправильного образования. В Восточной Азии наблюдается отчетливый контраст между упором на профессионально-техническое среднее и высшее образование в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Китае и образовательными системами с ориентацией

на менее квалифицированное обучение в бывших американских и европейских колониях Юго-Восточной Азии. Так, квалификация тайваньского выпускника-инженера, пожалуй, больше соответствует актуальным задачам экономического прогресса, чем квалификация малайзийского выпускника-бухгалтера. В конце 1980-х гг. на Тайване профессионально-техническое обучение (в основном для обрабатывающей промышленности) занимало 55 % системы высшего образования, и лишь менее 10 % студентов изучали гуманитарные дисциплины. В 1980-е число инженеров на острове по отношению к общей численности населения на 70 % превышало аналогичный показатель в США¹³. Подобно Южной Корее и Японии, внедрившим эту модель в Восточной Азии, образовательная система Тайваня со временем стала напоминать образовательные системы Германии и Италии, ориентированные на обрабатывающую промышленность. Страны Юго-Восточной Азии, напротив, следуя англосаксонской традиции, сделали больший акцент на гуманитарные дисциплины и «чистую» науку.

Впрочем, недостаток профессионально-технического обучения и, соответственно, инженеров лишь в малой степени может объяснить экономическую неповоротливость государств Юго-Восточной Азии и других стран с аналогичными структурами образования. Прежде всего отметим, что в Северо-Восточной Азии большинство квалифицированных инженеров появилось уже после того, как там начался быстрый экономический рост. Ранние успехи Японии эпохи Мэйдзи* были достигнуты при удивительно малой численности инженеров — страна приступила к формированию своей системы профессионально-технического, естественно-научного и инженерного образования только в 1930-е гг.¹⁴ Наоборот, в таких странах, как Куба и СССР, инженеры «штамповались» в огромном количестве, но без позитивных результатов для экономики. Все это указывает на другое

* Эпоха Мэйдзи («просвещенное правление») длилась с 1868 по 1912 гг. В этот период Япония при императоре Муцухито отказалась от самоизоляции и выдвинулась в ряд мировых держав. — *Примеч. ред.*

и почти наверняка более состоятельное объяснение того, почему данные касательно формального образования и состояния экономики не стыкуются между собой. Дело в том, что в массе своей самое важное обучение в наиболее успешно развивающихся странах проходит не в системе официального образования, а на рабочем месте.

Это внутрипроизводственное обучение помогает объяснить и относительную неудачу бывшего Советского Союза и его сателлитов, которые свои инвестиции в образование и научные исследования сосредоточили на элитных университетах и государственных НИИ, а не на деловой сфере. Во многом похожим образом складывалась ситуация в Юго-Восточной Азии, где после обретения странами независимости англосаксонскую традицию элитарного высшего образования стали сочетать с интенсивным развитием государственных научно-исследовательских учреждений. Напротив, в Японии, Южной Корее, на Тайване, а после 1978 г. и в Китае высокоэффективные инвестиции в образование и научно-педагогические исследования оказались во множестве сосредоточены не в сфере формального обучения, а в бизнесе, причем (в отличие от ситуации в СССР) в бизнесе, по определению конкурирующем на международном рынке. Это последнее обстоятельство, возможно, имеет ключевое значение для быстрого приобретения технологического потенциала. Как указал японский ученый Масаюки Кондо, объясняя неудачу Малайзии с развитием собственного технологического потенциала, несмотря на огромные инвестиции в высшее образование и научные исследования, «главной средой для развития промышленных технологий служат фирмы, а не государственные институты»¹⁵. Именно технологическая, а не научная политика наиболее важна на ранних стадиях индустриального развития. Как следствие, именно государственная промышленная стратегия является самым мощным определяющим фактором успеха. Если государство не способствует созданию компаний, которые могут стать проводниками производственного обучения, и впоследствии не содействует им, то все его усилия по развитию формального образования могут пропасть втуне.

Нужно сделать оговорку: когда в сфере обрабатывающей промышленности страна выйдет на передний край технологического развития, ее оптимальная структура образования начнет изменяться, как и соотношение между институтами формального образования и практическим обучением в рамках бизнеса. Но это не является темой нашей книги, рассказывающей в первую очередь о том, как попасть в «клуб богачей».

Балласт

Итак, темы демографии и «обучения» будут вплетаться в ткань дальнейшего повествования по мере надобности и при их уместности. Что касается трех других факторов, которые часто признаются важными для экономического развития, то мы их вообще исключим как балласт.

Первый из них — это политический плюрализм и демократия. Предпринимаются попытки выстроить убедительные доказательства того, что демократия либо препятствует, либо содействует экономическому развитию. Но в Восточной Азии трудно выявить какую-либо четко обозначенную модель. На национальном уровне в XIX столетии Япония переживала медленный, но неуклонный переход к более демократической системе управления и расширению избирательного права, инициировав первую в регионе и единственную до Второй мировой войны успешную программу модернизации. И только во время всемирной экономической депрессии 1920-х гг. и под сильным расистским давлением со стороны «белых держав» японская политическая система погрузилась в хаос, закончившийся военной диктатурой. Напротив, Южная Корея и Тайвань, по мнению ряда исследователей, лишь выиграли от авторитарных режимов генералов Пак Чон Хи и Чан Кайши соответственно. Но при этом те же авторы лукаво умалчивают о катастрофе, постигшей правление Чан Кайши в материковом Китае до 1949 г. при иных методах управления экономикой. Что касается Юго-Восточной Азии, то после Второй мировой войны в Индонезии Сукарно сначала управлял хаотично действовавшей демократической администрацией, а потом переключился на авторитарную

«управляемую демократию», добавив еще хаоса. Затем совершивший государственный переворот Сухарто прибавил стабильности и начал экономическое развитие в условиях авторитаризма, но его семейство в итоге разграбило страну. На Филиппинах избранный демократическим путем президент Фердинанд Маркос (Ферди) в 1972 г. заявил, что для проведения жизненно важных реформ, призванных ускорить экономическое развитие, в стране необходимо ввести военное положение, а затем принялся устанавливать новые стандарты коррупции.

На субнациональном уровне административно-территориальных образований столь же трудно обнаружить устойчивую корреляцию между авторитаризмом или демократией, с одной стороны, и политикой, способствующей экономическому развитию, — с другой. В истории известны такие моменты, когда крайне авторитарные методы приводили к явным выгодам, как, например, в Южной Корее, когда в 1961 г. генерал Пак Чон Хи временно арестовал ряд крупнейших предпринимателей и повторно национализировал банковскую систему страны. Но были и случаи, когда государственное вмешательство носило демократический характер. В середине и конце 1940-х гг. в контролируемых коммунистами областях Китая успех земельной реформы был связан с появлением выборных сельских советов, чьи действия резко отличались от тех авторитарных методов, с которыми Китай ассоциируется сегодня. Точно так же представительные (обычно выборные) комитеты по земельной реформе, действовавшие в Японии и на Тайване, сыграли решающую роль в беспрецедентном успехе преобразований¹⁶. А вот в Южной Корее земельная реформа, проводившаяся более централизованным образом и авторитарными методами, оказалась менее эффективной. Отсутствие же демократических процессов в странах Юго-Восточной Азии стало отличительной чертой полного провала попыток провести земельную реформу на государственном уровне. Суммируя сказанное, можно утверждать, что ни демократию, ни авторитаризм нельзя рассматривать как некие постоянно действующие переменные величины, объясняющие особенности экономического развития в Восточной Азии.